

ЮЛИЯ МИЛАНЕС

ПЕРЕС ЕДЕТ

В

ЗЕМЛЕЦКУ МЕ

6+

Юлия Миланес

Перес едет в Зеленецкий лес

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Миланес Ю.

Перес едет в Зеленецкий лес / Ю. Миланес — «ЛитРес: Самиздат», 2020

«Перес едет в Зеленецкий лес» - продолжение истории про троллей Худошу и Чучо. Перес – старая троллиха, мать Чучо, живущая в Северном городе. Она прибыла в борок, в котором в своем маленьком уютном мирке жили лесные тролли, и начались новые приключения. Чучо была неудачной дочерью Перес, однако по мере чтения троллиных историй мы видим, что это вовсе не так. Тролли живут своим тесным коллективом, занимаются своими делами, любят, растят детей, участвуют в социальной жизни – словом, у них все происходит точно так же, как у людей, только карикатурно.

Содержание

Поезд прибывает в Зеленецк	5
Привет, Человек!	9
Перес строит планы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юлия Миланес

Перес едет в Зеленецкий лес

Поезд прибывает в Зеленецк

К сожалению или к счастью, мне досталась нижняя полка в совершенно пустом купе. Поезд в Зеленецк не пользовался популярностью у пассажиров.

При отъезде из Северного города несколько человек собрались в коридоре обсудить, что теперь-то поезда не такие, как раньше, а вот в стародавние времена люди ездили стоя, настолько были переполнены вагоны. Я с любопытством приоткрыла дверь и увидела двух колоритных персонажей. Пожилая женщина в пестром ситцевом халате, одной рукой придерживая его на полной груди, уплетала огромный, в половину батона бутерброд, на котором умещалось не менее полпалки колбасы твердого копчения в окружении рюшечек зеленого салата, политых майонезом и обложенных аккуратно нарезанными свежими огурцами. Ее собеседник, молодой военный, пытался ретироваться, но женщина пустилась в воспоминания о своей далекой молодости и, жуя бутерброд, плавно вела летопись поездов, которые ранее были назначены в Зеленецк:

– Шесть лет назад еще ходил Мариупольский поезд, а его я помню с юных лет. Под конец каникул на него билетов было не достать. Да что там не достать! Просто не сесть в вагон...

Тут я краем уха уловила движение на пустующей верхней полке, куда был положен мой походный рюкзак. На купейный столик упало несколько черных и седых волосков, из чего я заключила, что Перес заинтересовалась диалогом.

– ... три года потом мы ездили через Белоруссию.

И верно: в зеркале приоткрытой двери показалось сначала большое мохнатое ухо, торчащее из рюкзака, а затем и покрытая морщинами мордочка, которая приняла загадочное выражение при виде гигантского бутерброда.

– ... ты совсем молодой и не можешь представить, какие удобные были вагоны! А сейчас все новые вагоны продают за границу, – поведала пассажирка своему собеседнику.

– Да, поезда нынче не те! – сказал скрипучий голос из моего рюкзака.

– И вы так думаете? – просияла дама в ситцевом халате, обращаясь ко мне, и, опасно высоко держа свой гигантский бутерброд, шагнула в купе.

– И мы так думаем, – проскрипел голос с верхней полки, и мохнатая седая лапа аккуратно вытащила еду из полной руки пассажирки, после чего ухо в отражении купейной двери убралось в рюкзак и наружу явилась вся Перес полностью, с тряпичной салфеточкой у подбородка и столовыми приборами в лапе.

– Вы потеряли свой бутерброд, – сказала я даме, больше ничего не придумав при виде такого нахальства.

Пассажирка недоуменно посмотрела на правую руку, измазанную майонезом, потом на военного, растерянно протиравшего глаза, затем на меня, пытавшуюся принять безразличный вид, но ничего подозрительного не обнаружила и отправилась жаловаться проводнице.

– Я уверена, вентиляция неисправна! Все новые вагоны отправляют за границу... А теперь у меня украли бутерброд! – донесся издали ее голос.

А между тем, Перес за смотанными в тюки матрасами верхней полки невозмутимо пилила гигантский бутерброд ножичком, в котором я узнала экземпляр из своего столового серебра – мне и в голову бы не пришло везти его в рюкзаке в Зеленецк! Потом троллиха нето-

ропливо отправляла отрезанные кусочки в маленький рот, с таким видом, будто трапезничала на фуршете у королевы Великобритании.

– Это, конечно, не яблочный пирог, – сказала я, но Перес мою реплику проигнорировала.

Тут надо объяснить читателю, что Перес – не кто иная, как Homo trollos, то есть троллиха – неизвестное ответвление в развитии то ли человека, то ли обезьяны.

Раньше я полагала, что эти создания являются частью мифологии скандинавов, но недавно мне удалось обнаружить доказательства присутствия троллей на территории нашей страны. Об этом подробно написано в моей первой книге «Про Худошу и Чучо».

Я, немолодая писательница Юлия Хименес, проживаю совместно с Перес (что, впрочем, выяснилось совсем недавно) уже много лет в отдельной квартире в Северном городе, где троллиха спокойно ворует мои яблочные пироги. А вот неподалеку от Зеленецка расположен заповедный лесок, где живут свободные, практически независимые от людей (если не считать такой мелочи, как воровство муки на местном элеваторе) тролли.

Туда мы с Перес и направляемся в настоящее время. Вернее, моя напарница хочет проведать свою непутевую дочь Чучо, неожиданно ставшую мэром Зеленецкого поселения, а я вроде как ее транспорт. Все понятно: дикие тролли разъезжают на велосипедах и ездовых собаках, а старая троллиха, очевидно, чувствует себя настолько важной, что появится на Человеке. Я особенно на это надеюсь, потому что иначе жители Зеленецкого леса просто не впустят меня на свою территорию. Страшно даже представить, на что они способны, лишь бы не связываться «с Человеками».

Добавлю еще, что особой гордостью Перес является ее благородное происхождение. Ведь ее род относится к прямой ветви от самого Илиаса Гвадалахарского – могучего тролля, тридцать три года пролежавшего неподвижно и поднявшегося только лишь для того, чтобы хлебнуть тинной бормотухи. Данная часть истории рода считается священной, ибо ничегонеделание – это особый пункт жизни философии Перес, которую она пыталась передать своим детям. Вот только непутевая Чучо, названная в честь композитора Чучо Вальдеса, осмелилась работать без ее разрешения. Причем еще и на двух-трех-четырёх работах: содержать лавку, быть мэром Зеленецкого поселения, мариновать черт знает какие маринады и вязать шапочку со скандинавским узором.

А недавно Чучо допустила роковую ошибку: она нарушила конспирацию и раскрыла перед двумя Человеками секрет существования троллей. Одним из этих Человеков, вернее, Человечихой была я, потому что литературные упражнения молодой троллихи попали ко мне в руки и дело дошло практически до публикации ее дневников, раскрывающих быт и приключения троллей, а главное – стратегию вредительства Человекам.

И вот теперь я с Перес в рюкзаке направляюсь в Зеленецк – святую землю свободных троллей.

Перес закончила ужин, спрятала салфеточку и приборы обратно в рюкзак, затем, немного в нем порывшись, извлекла на свет мою зубную щетку и стала расчесывать ею шерсть на копытцах.

В это время в коридоре опять образовалось оживление. Там появился продавец газет. Троллиха насторожила уши. Выбросив зубную щетку в угол верхней полки, Перес спряталась подальше.

– Желаете ли газеты? – в купе заглянул приветливый веснушчатый юноша.

– Нет ли у вас свежего номера «Час вздремнуть»? – рюкзак снова ожил и заговорил скрипучим голосом.

Юноша замялся:

– У нас не издают такие газеты. Имеются кроссворды, шахматные этюды и «Литературная газета». Здесь не какая-нибудь провинция. А северных газет в Зеленецке не купить. Я даже не слышал о таком издании.

– Ничего-ничего, у этого издания очень маленький тираж, – поддержала я парнишку и купила шахматные этюды.

Едва за ним закрылась дверь, как в открытое окно влетел небольшой рулон туалетной бумаги, упечатанный мелким шрифтом. Перес пружиной выскочила из рюкзака, а я вскочила со своего места у окна, и обе принялись ловить этот рулончик, причем троллиха поймала один конец, оказавшийся первой полосой троллиной газеты «Час вздремнуть», а мне досталась страничка кулинарных рецептов, написанных самой... Чучо.

Единственный попавший к нам в руки и лапы экземпляр газеты чуть не разорвался на настоящие куски туалетной бумаги. Мы с Перес стали тихонько сматывать рулон с двух сторон, пока не оказались нос к носу на нижней полке.

Тут троллиха сообразила, что вредить в данном случае неуместно, и, не выпуская из лапы драгоценное издание, присела рядом со мной, вытащила неизвестно откуда монокль и приготовилась читать. Я же не могла разобрать ни слова, не надев очки, зато с превеликой радостью обнаружила на первой полосе две фотографии троллей.

Слева был размещен портрет пожилого лысоватого тролля в манишке, спускающейся до лоснящегося пузика. Справа была, несомненно, Чучо, которую выдавала черная шерсть и фамильные уши. Крупный заголовок гласил: «Двоэмэрие как двоеженство».

Тут Перес заерзала и тихонько попыталась перетащить газету поближе к себе, но я была готова к такому поведению троллихи и попытка не удалась.

Тогда моя чемоданная дама закинула задние лапы мне на плечи и устроилась читать газету буквально через мою голову. А у вашей покорной слуги появилась возможность надеть очки.

Статья гласила:

«Главный редактор газеты «Час вздремнуть» Проныра провел социологический опрос жителей Зеленецкого поселения по вопросу «За кого бы вы голосовали, будь выборы назначены прямо сейчас?» Пятьдесят процентов электората считают незыблемыми позиции Подрывайло Хитроватого, тридцать три и восемьдесят три сотые процента минус один тролль выбирают эту чужестранку (и далее был размещен портрет Чучо), двадцать один и семнадцать сотых процента плюс один житель считают, что в городе должно быть два мэра, а еще лучше три. Далее следуют высказывания читателей:

– Я давно говорю, что эти тролли, мои соседи, – сумасшедшие! – сообщила редакции Томас, одна из старейших жительниц нашего города. – Они бормотуху разливают из столовой посуды, потому что из-за постоянного чтения у некоторых тут, не будем показывать пальцем, вместо голов чайники!

– Я давно занимаю пост главы города, – поведал нашему изданию почетный Подрывайло Хитроватый. – Благодаря мне в этом году насыпана великолепная дорога к Зеленецкому поселению...

Редакции не известно, что еще сделал в этом году бывший городской голова, потому что у главного бормотушника закончилась сыворotka правды, а новую он сварить не в состоянии, так как не смог вспомнить рецепт. А вот собственное высказывание Худоши:

– Я считаю, что в поселении должно быть два мэра: Подрывайло и Чучо. При этом один будет воровать, исполняя истинное предназначение троллей, а второй – возвращать населению нагребленное. Такова моя личная социальная позиция и видение ситуации.

Спросить мнение фальшивого мэра Чучо редакция не в состоянии, потому что троллиха скрывается в лавке. Одновременно свидетели утверждают, что Человеки убрались из Зеленецкого поселения, лишь испугавшись страшной ушастой физиономии чужестранки».

Я коварно улыбнулась, потому что, как следовало из статьи на первой полосе, главная ударная группа Зеленецких троллей в составе семи ее участников сейчас разобщена и не может противостоять вторжению Перес.

– Томас вредит всем, потому что вредная.

– Подрываило хочет стать мэром вместо Чучо, и Писанина Ивановна его, скорее всего, поддерживает.

– Худоша считает, что самое прекрасное для Зеленецкого леса – это двоимэрие.

– Чучо прячется в лавке.

– А Михей и Хельга, вероятно, просто счастливы.

Последний мой вывод подтверждала вторая полоса, где была пущена на всю страничку заметка «Михей и Хельга: будет ли свадьба через сорок лет?»

Вдруг, в самый разгар наших с Перес чтений, на полном ходу поезда в раскрытое окно всунулась лохматая голова и, перекрывая шум колес, крикнула:

– Сколько можно? Вы что, читать не умеете? Прочитали газету – передайте другому! Вас вообще нет среди подписчиков!

– Так какой же у вас тираж, уважаемый тролль? – изумилась я.

– Три! Три экземпляра. Подрываило обещал в новом году профинансировать пять! – крикнул Проныра (не спрашивайте, как я догадалась, что это был он).

С этими словами главный редактор газеты «Час вздремнуть» выхватил у нас из рук рулончик туалетной бумаги и исчез с такой скоростью, что в моей руке осталась последняя полоса с кулинарными рецептами Чучо.

На портрете красовалась сама глава Зеленецка с малюсенькой рыбкой в руке, а заметка гласила:

«Для того чтобы засолить рыбку, нужно первоначально выменять ее у старой Сварлыги в нашей лавке на главной городской поляне. Напоминаю, что рыбку Хельга меняет только на воркушу и свежайшую тинную бормотуху для Михея. Далее необходимо взять две горсти соли и одну горсть сахара, вымазать подготовленную филейную часть («Чтобы тут разглядеть филейную часть, нужно взять бинокль», – подумала я) и положить под гнет на три дня. Соленую рыбку можно выменять на одну круговую поездку на ездовой собаке или на две воркуши, или как сторгуется, опять же, в нашей лавке».

Тут я взглянула на свою компаньонку и поначалу ужаснулась. Перес лежала в углу купе и держалась лапой предположительно за то место, где у троллей находится сердце. Лицо моей соседки напоминало кислый лимон, смешанный с этой самой пресловутой соленой рыбкой.

– Обижают бедное, никчемное существо! – скорбно поведала она, обнаружив мое внимание.

Если я правильно поняла, весь сыр-бор произошел из-за этой несчастной маленькой статьи на последней полосе газеты «Час вздремнуть». Без всякого сожаления я передала обрывок старой троллихе. «Сердечный приступ» продолжился еще ровно две минуты, просто для того, чтобы меня заела совесть. Затем моя соседка удовлетворенно, со странной смесью гордости и любви расправила большую (по троллиным меркам) фотографию Чучо и полезла с ней в рюкзак, откуда через десять минут раздался мерный храп, похожий на скрип несмазанного деревянного колеса доисторической телеги.

Поезд прибывал в Зеленецк.

Привет, Человек!

– Свободных мест нет! – сурово сказал портье.

– Может, мы подождем и что-нибудь освободится? – жалобно спросила я.

– Нет, не освободится! – Он недобро покосился на мой рюкзак, который благополучно продолжал храпеть уже второй час после приезда в Зеленецк.

– Войдите в наше... в смысле, в мое положение. – Я делала уже третью попытку снять номер в единственной гостинице маленького города. – Поймите, здесь просто больше нигде остановиться.

– Ну, отчего же? – Портье проявил благосклонность. – Вы можете снять однокомнатную квартиру для себя и своей собаки. У нас с животными нельзя, и нечего прятать несчастную в рюкзаке. Ну-ка, кто там у нас? Уси-пуси, маленький! Хрипит от недостатка воздуха, – авторитетно заявил он, протягивая руки к рюкзаку.

– Нет, вы знаете, собаку лучше не беспокоить. – Я поспешно спрятала рюкзак. – Согласны на квартиру.

– Это славно, – портье подобрел и зарылся в телефонную книгу, – а то, знаете, мало ли кто заметит. Недавно привезли хомячков, те убежали, поселились на кухне и, представьте, начали размножаться и разбежались по всем номерам.

Я подумала, что если Перес поселится на кухне, то единственной гостинице города придет конец, и, вежливо улыбаясь, взяла телефон хозяина квартиры на сдачу.

Хозяин съемной квартиры оказался гораздо сговорчивее портье, наверное, потому что Перес к обеду перестала храпеть. И вот я вытряхнула троллиху на мягкую двуспальную кровать, где «соня» незамедлительно свернулась клубочком.

Признаться, живот у меня основательно подвело. То же самое думалось о моей компаньонке. Следовательно, если ее не накормить, неизвестно где и какая еда начнет пропадать.

Пришлось выйти на улицу.

Городок Зеленецк был совсем небольшим по сравнению с Северным. В центре тянулась средневековая крепостная стена исконно-русской архитектуры. Наступало начало мая. То тут то там кружевными вставками белели отцветающие вишневые и яблочные сады вокруг частных домиков. Церковь, расположенная внутри крепости, отражала своими крестами солнечные лучи. Окраины, застроенные ранними и поздними хрущевками, звенели трамваями.

«Свежего воздуха тут столько, что его можно спокойно отгружать в Альпы», – подумала я.

Небо, как и писала раньше Чучо, было особенно синим. Таким, какое бывает только на границе с Белоруссией. Солнце закрыло облако, похожее на конька, а лучи придали ему особый ореол. Я подумала, что мэр Зеленецкого поселения сейчас обязательно смотрит на это облако и гадает, что день грядущий ей принесет.

А принесет меня и Перес... вернее, Перес и меня.

Вернувшись на грешную землю, я обошла три лавки, прежде чем купила достойный вкуса старой троллихи яблочный пирог с корицей, а заодно остановилась у газетного киоска.

– Добрый день! – с белорусским акцентом приветствовала меня пожилая аккуратная продавщица, сама похожая на румяный яблочный пирожок.

– Добрый день! – поприветствовала ее я, привычно выговаривая твердое «д».

Женщина насторожилась. Я давно замечала, что за пределами двух столиц, где существуют сложившиеся славянские и тюркские говоры, столичная речь действует как пароль «свой-чужой».

– Извините, можно мне карту Зеленецкой области, желательно с подробной дорогой в заповедник,.

Теперь еще и твердое «г». Я чувствовала себя столичным шпионом.

– «Бздюлиные закрома» вы найдете сразу, – объясняла продавщица, поглядывая искоса. – Здесь поворот, здесь по кольцу, здесь еще раз по кольцу, а вот и заповедник.

«Бздюлиные закрома! – подумала я. – Честное слово, такое название заповеднику могли придумать только сами тролли!»

Моя спутница, пока меня не было, времени даром не теряла и рукодельничала. На двери съемной квартиры (хорошо, что кухонной) красовался небольшой герб. Красное поле, намалеванное неизвестно откуда взятой краской, было перечеркнуто желтой молнией по диагонали. В левом верхнем углу рисунка размещалось нечто похожее на яблочный пирог, а в нижнем правом желтела надпись кривыми буквами: «Вредить и воровать». Очевидно, Перес нашла краску только двух цветов.

По правде говоря, у меня уже начинался приступ бешенства и чесались руки как следует наказать троллиху. Почувствовавшая это старушка, прижав фамильные уши, тихонько поела яблочный пирог в углу кухни.

– Пойду за ацетоном, чтобы стереть твои художества! – грозно прикрикнула я на нее, но тут раздался предупредительный звонок, повернулся ключ во входной двери, и сам хозяин квартиры с чистым постельным бельем в руках возник на пороге и воззрился на троллинный рисунок.

У меня горели уши и щеки. Как вы понимаете, я с моим маленьким домашним чудовищем оказалась на улице. Из-за Перес за последние сутки мне пришлось соврать уже несколько раз. Вот и полчаса назад я лепетала возмущенному хозяину, что небольшой гербик с фразой «Вредить и воровать», отдающий свежей масляной краской, нарисовали предыдущие жильцы.

Солнце палило нещадно, и тащить по жаре семикилограммовую троллиху было несколько тяжеловато.

Я развернула карту Зеленецкой области и еще раз поискала заповедник «Бздюлиные закрома».

– Мы сейчас направимся прямо к твоей дочери и посмотрим, удобно ли ты там устроишься, – пригрозила я рюкзаку.

Оттуда высунулся пяточок, выражающий, как мне показалось, невыразимое удовольствие – то ли оттого, что мы направляемся к Чучо, то ли от удачного вредительства.

Дорога в Зеленецкое поселение, как и писалось раньше, сначала вилась по холмам, а затем вела между по-весеннему засеянных полей. Настроение у меня заметно поднялось, когда я увидела пару аистов, танцующих на тонких ногах и расправивших крылья.

Пока я разглядывала птиц, сзади мягко зашуршали шины автомобиля.

– Подвезти? – крикнул сидящий за рулем внедорожника мужчина средних лет. – Вы в заповедник?

Я кивнула, пряча рюкзак.

– Я тоже. – Мужчина приоткрыл дверцу машины: – Садитесь, дорога мне знакома.

– Валерий Михайлович, – представился водитель.

Я рассматривала его, думая о том, какие у людей бывают реакции, когда неожиданно появляется Перес.

– Юлия, – скрипнуло из рюкзака.

– А вот горло надо беречь, у вас голос совсем сел. Я бы предложил выпить виски по случаю нашего знакомства, но, сами понимаете, за рулем, – добродушно продолжал мужчина.

– А что там, в заповеднике? – спросила я, стараясь прикидываться больной ангиной.

– Природа чудесная! Весенние грибы собирать еду, – объяснял Валерий Михайлович. – Люблю ботанику с детства. Дела не ладятся, вот и взялся по лесу походить. Тихая охота успокаивает нервы. – Тут мужчина осторожно глянул на меня, искоса, как завравшийся мальчишка.

Я тоже посматривала втихаря на его открытое, мужественное лицо и крепкие руки, машинально отметив и дорогие часы и то, что выговор у Валерия Михайловича тоже столичный. Одинаковая речь сразу располагает к человеку и вызывает чувство родства.

– Бздюлей буду изучать. Это местные клопы, редкий вид. – У меня снова загорелись уши и щеки. – Мое увлечение, тоже с детства. Я – орнитолог.

– По-моему, орнитологи изучают птиц, – вежливо возразил мой спутник.

– Да-да, – я почувствовала, что краснеет все лицо. – Птички клюют насекомых, и от этого их популяции увеличиваются. Особенно аистов.

– Оригинально, – протянул водитель. – Недавно такой шум поднялся из-за этих бздюлей. Вы случайно не из «зеленых»?

– Нет, я сама по себе.

– А я еще люблю изучать рыбу: жареную, вареную и уху, – пошутил Валерий Михайлович. – Может, мы с вами рыбки наловим?

Из рюкзака раздался странный звук. Как я поняла, у Перес заурчало в животе от слов водителя.

– Не бойтесь одна-то путешествовать? – продолжал, посерьезнев, мой спутник. – А то, мало ли, кто нападет?

«Я туда ненадолго, вот выгружу свою троллиху, и все», – чуть не брякнула я, но, одумавшись, сказала:

– Да у меня все дела делаются быстро. Одна нога здесь, другая там.

Машина сбавила скорость. Валерий Михайлович оперся обоими локтями о руль и потер правой рукой лицо.

– Не знаю, какие еще бздюли, но там живет нечто неожиданное и странное. Я его привез в Зеленецк из Северного города. Весь мой бизнес разорен из-за этого существа. Поэтому я не советую вам ехать в этот лес, – неожиданно сказал он.

– Да ты с этим странным и опасным существом прожил восемь лет! Привет, Человек! – внезапно раздался скрипучий голос.

Перес сидела на заднем сидении, полностью выбравшись из рюкзака, и дрыгала копытцами.

Машина затормозила так резко, что я ударилась головой о приборную панель.

Валерий Михайлович быстро развернулся в кресле, открыл заднюю дверцу, схватил Перес за шкурку и выкинул вон:

– Будут еще обезьяны ездить в моей машине!

Троллиха встала, отряхнулась и с гордо поднятой головой зацокала в сторону от Зеленецка.

Я со вздохом взяла рюкзак и тоже стала выбираться из машины.

– Она же старая совсем. Между прочим, если будете их травить, тролли вообще вас в заповедник не пустят – это их территория.

Мне пришлось бежать за Перес. Вредина остановилась, подождала, пока я доберусь до нее, и полезла в рюкзак.

– Что это за Человек? Почему ты показалась чужому?

– Это Человек Чучо, – проскрипела троллиха.

Машина, тихо шурша по гравию, ехала сзади на расстоянии двух метров, не отставая и не обгоняя нас.

Наконец Валерий Михайлович высунулся из окна и крикнул:

– Послушайте, это просто опасно!

– Для вас опасно, – ответила я. – Лучше не нарывайтесь, их там очень много.

– Не ребячьтесь, выбрасывайте зверюгу и садитесь в машину! Я еду туда, чтобы доказать их существование. Кроме вас и меня, нет других свидетелей. Или вот: давайте ее свяжем и покажем зоологам.

– Мою обезьяну можно связать только вместе со мной, – рассерженно развернулась я. – Поворачивайте назад!

– Почему вы их защищаете?

– Тролли не опасны! Их моралью запрещено применять физическую силу. Кроме того, может, вы и не догадались, но они разумны. Хотя бы речь заметили?

– Да, речь и вправду есть, – растерянно подтвердил Валерий Михайлович. – Но нас с вами примут за сумасшедших.

– Вот именно! – довольно проскрипела Перес, высунувшись из рюкзака. – Человечество настолько глупо и самодовольно, что веками не замечает у себя под носом соседство с Homo trolos. А вы оба уже, наверное, вообразили себе открытие мирового уровня. Ах! Одна станет знаменитой писательницей, второй – известным первооткрывателем в зоологии. Посмотрите на себя!

– Оно и правда разумно, – удивленно заметил Валерий Михайлович.

– Да уж! – кивнула я. – Поэтому у вас есть выбор: ехать в заповедник вместе с нами, правда, неизвестно, как там примут, или пожалеть себя, машину и ехать назад.

– К черту машину! Я должен во всем разобраться! Садитесь.

Перес снова вылезла из рюкзака, забралась на заднее сиденье автомобиля и раскрыла мою карту:

– Нам лучше остановиться вот здесь. – Она ткнула тонким пальчиком в берег реки.

– Там зимой стояли вагончики геодезистов. Ни к чему хорошему это не привело, – буркнул Валерий Михайлович.

– По крайней мере, изобразим рыбаков и будем считать, что готовы к мелким пакостям. Это очень-очень интересный народец.

Перес строит планы

Луг, на котором мы остановились, пестрел запоздавшими одуванчиками, а посреди него виднелись остатки больших куч щебня и песка. Увидев это, Валерий Михайлович горестно вздохнул.

Машину мой спутник оставил в ста метрах от речки в целях маскировки. Напрасно я объясняла, что от троллей это не поможет.

Перес взяла самую большую удочку и, к моему удивлению, мастерски закинула ее в воду. Человек, вдохновленный любовью к рыбалке, начал было объяснять ей, как вытаскивать рыбу, но попал в довольно глупое положение, когда через пять минут троллиха благополучно выловила уклейку.

Валерию Михайловичу ничего не оставалось, как отступить ко мне, расположившейся на покрывале в середине луга, и наблюдать.

Перес спокойно положила рыбку в пакет с водой и закинула удочку снова. Тут и произошло нечто странное. Уклейка, блеснув чешуей на солнышке, описала высокую дугу и плюхнулась обратно в воду. Неизвестно откуда раздалось тихое хихиканье.

Троллиха невозмутимо продолжала водить удилицем, перекидывая леску вверх по течению. Но, сколько бы она ни выловила рыбы, вся добыча отправлялась обратно в реку.

Так продолжалось около часа. Наконец из прибрежных кустов высунулась абсолютно седая мордочка и едко произнесла:

– Здесь рыбы нет! Не понятно, что ли?

Перес встала, нацепила монокль и, подбоченившись, стала рассматривать собеседницу.

– Сварлыга, – миролюбиво представилась та.

– Нареченная от рождения Хельгой! Приказываю тебе отвести меня к мэру, – важно произнесла Перес, зная многих жителей Зеленецкого поселения по рукописи Чучо.

– Так и отвести? – немного смутилась Сварлыга.

Но тут из кустов высунулась мордочка тролля с красным кончиком пяточка.

– Да это же Перес! – хмыкнул Михей. – Самая вредная троллиха в Северном городе.

Чучо про нее рассказывала.

Сварлыга раздвинула лапами кусты и вышла на луг.

– Ну, пойдём со мной!

И три тролля двинулись гуськом по бревну на другой берег реки.

Едва они дошли до быстрины, я не выдержала и крикнула:

– Перес, пиши мне! Я буду скучать! Моя электронка...

От испуга Сварлыга взвизгнула и ухватилась за Михея.

– Да знаем мы вашу электронку! – на другом берегу реки появилось еще два тролля: черноволосая, ушастая, непередаваемо похожая на мать Чучо и крошечный серенький Худоша с маленькой фляжкой в руке.

Вскоре вся группа скрылась под сенью соснового бора.

Я оглянулась. Валерий Михайлович лежал на спине, держась руками за голову.

Я благополучно устроилась в соседнем от своего спутника номере. Мужчина, между тем, листая старые записи Чучо, восклицал: «Невероятно! Ужас! Сколько их там?»

Третьего дня на электронную почту начали приходить обширные письма... от Чучо, продолжавшей свои упражнения в литературном португальском языке.

«Ну, вот, мама, – мысленно говорила Чучо, исподтишка поглядывая на настоящую, живую Перес, расхаживающую по ее норе, – здесь я и живу».

Старая троллиха покрутила колесо прялки, бесповоротно спутав шерстяную нитку. Провела лапой по верху большой книжной полки и сдула с ладони пыль.

– Ну, да, тут немного пыльно и песок сыпется с потолка, но зато тепло и уютно, – сказала госпожа мэр вслух.

– Старье, одно старье! – проскрипела гостья. – Но, если тебе так плохо было в Северном городе, то у нас два пути: воспитать твоего Человека, как я воспитала свою, или нажить добро здесь, где ты стала мэром.

– Воспитывать Человеков я не умею и не хочу, – жалобно протянула Чучо. – А мэр я, постольку-поскольку Худоша сорвал выборы. Не очень-то хотелось им быть.

– А кто тебя спрашивает? – хмыкнула Перес. – Ты – народный избранник, и я уверена, что тебя выберут второй раз, уж я постараюсь.

– Чем ты, мама, планируешь заниматься? – осторожно поинтересовалась молодая троллиха. – Я могу научить тебя пряхать и вязать, собирать орешки и воровать из гнезд воркушины яйца, ловить рыбу, готовить еду и торговать в лавке.

– Нет-нет, не трудись, дочка. Я все умею сама. Недаром же я дожила до таких глубоких лет. Я займусь благородным делом: организую летнюю школу и буду преподавать историю... неграмотным троллям.

– Здесь нет неграмотных троллей, – испуганно возразила Чучо.

– Ну, троллят полно и выживших из ума стариков, которые выбрасывают рыбу в реку. – Перес потянулась и вдруг учуяла тошнотворный запах Худошиной бормотухи, тянущийся через лаз, который тролль прорыл между норами.

– Бормотуху прошу мне не подсовывать, – строго сказала старая троллиха, – а то мало ли что я тут наговорю, Подрывайло такого и не знает! А сейчас я буду строить план твоей предвыборной кампании.

Худоша, подумав, что гостье надо познакомиться с жителями, завел перед трехствольной сосной старый патефон. На музыку начали сходить тролли, и вскоре образовалась небольшая танцплощадка.

Перес, высунув пяточок из норы, одобрительно фыркнула. Тут как раз появился Проньра, и старая троллиха рассудила, что для ее целей нужно налаживать связи с прессой.

Но переговорить с главным редактором газеты «Час вздремнуть» удалось не сразу.

Перед гостьей, откуда ни возьмись, вырос толстенький пожилой тролль в оранжевом галстуке поверх черной шелковой жилетки. Поблескивая умными глазками, толстяк галантно предложил Перес правую лапку, отчего его спутница, худая леди с заляпанным чернилами пяточком сразу обиделась, и это было заметно.

– Вальс! – объявил Худоша. Патефон натужно закрипел и захрипел, выдавая мелодию Штрауса, и гостья с опаской приняла приглашение на танец от такого экстравагантного тролля.

– У меня к вам сделка, – как бы между прочим сказал партнер Перес. – Предлагаю два автомобильных аккумулятора по цене трех.

Тут он запутался в своем галстуке, который съехал с мохнатого пузика куда-то вбок, и Перес подумала: «Какие аккумуляторы? Зачем мне они? Впрочем, нужно познакомиться с таким хозяйственным мужчиной».

– По цене трех взять не могу, – деликатно отказалась гостья. – Для вас – только по цене двух, но с доставкой в Северный город.

– По цене двух, – задумчиво повторил толстяк. – Заманчиво, но дальше Зеленецка не могу. Чем расплачиваться будете?

– Тугриками... в смысле мурзиками, – сообразила Перес.

– Нет, на мурзики нынче инфляция, – поведал тролль. – Придется отказаться от планов завоевания власти в Зеленецком лесу.

Тут гостя без особого труда догадалась, что перед ней сам Подрывайло Хитроватый, и отдала партнеру лапу. Пока он охал, горожанка поразмыслила о том, как отнять у конкурента на выборах два аккумулятора (которые ей были не нужны) и выйти сухой из воды: вот отличная была бы вредность.

– Предлагаю пари, – нашлась Перес. – Если на выборах побеждает Чучо, то аккумуляторы мои, если вы – можете запустить мне в пяточок яблочный пирог.

– Нет, это не выгодно, – азартно возразил Подрывайло. – Вот если вы публично признаете, что зеленецкие тролли вреднее северных, то это создаст имидж нашему поселению.

– И наоборот, – ответила гостя. – Вы признаете, что северные тролли вредят лучше, если проиграете.

– По лапам, – отозвался бывший мэр.

– Летка-енка! – объявил Худоша, и старый патефон опять заскрипел, стараясь выдавить из себя веселые звуки.

Перес неожиданно оказалась между бормотушницей Томас, которую легко было опознать по красному цвету шерсти, и главным редактором газеты «Час вздремнуть», знакомому еще по поезду Север – Зеленецк.

– Здравствуйте, многоуважаемая! – перекричал музыкального монстра Проньера. – Не дадите ли вы мне интервью о порочной жизни Чучо в Северном городе? Я слышал, она была иждивенкой. За чей счет жила? Скольких троллей облапошила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.